

Къ біографіи декабриста М. С. Лунина.

Во второй половинѣ 1826 года дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Александровичъ Лунинъ обратился въ Московскій опекунскій совѣтъ съ просьбою о распечатаніи хранившагося въ совѣтѣ, запечатаннымъ, духовнаго завѣщанія, внесеннаго 9 іюня 1819 г. отъ двоюроднаго брата его, бывшаго гвардіи ротмистра, а затѣмъ Гродненскаго гусарскаго полка подполковника, Михаила Сергѣевича Лунина.

Принимая во вниманіе, что Михаилъ Лунинъ, бывъ преданъ, по Высочайшему повелѣнію, сужденію Верховнаго уголовного суда, приговоромъ онаго и Высочайшимъ указомъ 10 іюля 1826 года, по лишеніи чиновъ и дворянства, сосланъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Опекунскій Совѣтъ, 1 ноября 1826 г., поднесъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ всеподданнѣйшій докладъ, высказавъ мнѣніе, что, основываясь на общемъ узаконеніи, по коему такого рода ссыльные люди почитаются политически мертвыми, Совѣтъ полагаетъ означенное завѣщаніе распечатать въ присутствіи Совѣта и, по выслушаніи онаго, по установленному порядку, отослать въ Московское губернское правленіе для законнаго разсмотрѣнія и утвержденія.

На докладъ совѣта Ея Императорское Величество, 11 ноября, соизволила собственноручно написать: „Справедливо. Марія“.

Распечатанное, вслѣдствіе сего, 18 ноября 1826 г., духовное завѣщаніе Лунина заключалось въ слѣдующемъ:

„Лѣта тысяча восемьсотъ девятнадцатаго, марта 27 дня. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, я, нижеподписавшійся, отставной гвардіи ротмистръ и кавалеръ Михаилъ Сергѣевъ сынъ

Луининъ, находясь въ совершенномъ здоровьѣ и полномъ разумѣ, но убѣжденный неизвѣстностію смертнаго часа, который постигнуть можетъ и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, по собственной волѣ дѣлаю сіе мое духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ: 1-е, на основаніи указа 1714 года марта 23 дня, все доставшееся мнѣ послѣ покойнаго родителя моего и послѣ покойной родительницы моей недвижимое и движимое имѣніе, въ разныхъ губерніяхъ состоящее, также и денежные капиталы всѣ предоставляю двоюродному брату моему, камеръ-юнкеру 5 класса Николаю Александровичу сыну Лунину, одного со мной рода и фамиліи, и дѣлаю его единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ. 2-е, имѣя въ виду благосостояніе крестьянъ моихъ и сохраненіе въ цѣлости наслѣдственнаго имѣнія въ нашемъ родѣ, завѣщаю брату моему Николаю Александрову сыну Лунину пещись о благѣ всего достающагося ему имѣнія, не продавать его ни порознь, ни въ цѣлости, не закладывать, не дарить, и въ другой родъ ни подъ какимъ предлогомъ не выпускать, а въ теченіи пяти лѣтъ со дня моей смерти, войдя въ подробное разсмотрѣніе свойствъ того имѣнія и средствъ полученія доходовъ, непременно уничтожить въ ономъ право крѣпостное надъ крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лѣсовъ, строеній, имуществъ вообще, и прочихъ угодій. 3-е, уничтоженіе крѣпостного права на крестьянъ и дворовыхъ людей должно послѣдовать во первыхъ по распоряженію наслѣдника моего, брата Николая Александрова сына Лунина, не далѣе пяти лѣтъ отъ дня моей смерти; условія съ крестьянами, образъ освобожденія ихъ отъ крѣпостного состоянія, предоставленіе имъ правъ и обязанность крестьянъ въ отношеніи доставленія доходовъ избираемому мною нынѣ наслѣднику зависятъ совершенно отъ воли его, брата моего Николая Александрова сына Лунина, который въ семъ случаѣ можетъ руководствоваться правилами, ему отъ меня внушенными; во-вторыхъ, съ утвержденія правительства. Но крестьяне и дворовые люди должны находиться въ непосредственномъ брата моего повиновеніи до того времени, пока не уничтожится законнымъ образомъ, по прошенію брата моего, крѣпостное надъ ними право, и въ семъ случаѣ главнѣйшее основаніе должно быть распоряженіе онаго брата моего. 4-е, по смерти брата моего Николая Александрова сына Лунина, буде у него останутся дѣти, сыновья, то сіе отдаваемое мною имѣніе должно принадлежать старшему его сыну, или тому изъ сыновей его, которому онъ самъ назначить, по все сіе завѣщаемое мною имѣніе вообще въ цѣлости, которое имѣ-

ніе никакимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ раздробляемо быть не должно. Если же у него сыновей не будетъ, а будутъ дочери, въ такомъ случаѣ сіе имѣніе, также въ цѣлости и не подвергаясь никакому раздробленію, должно итти въ приданое одной изъ дочерей,—но съ тѣмъ, чтобъ будущій зять его принялъ фамилію и гербъ нашего рода. Наслѣдники брата моего Николая Александрова сына Лунина обязываются сохранять въ точности силу всѣхъ значущихся въ семъ завѣщаніи пунктовъ, и сіе завѣщаемое мною имѣніе въ нашемъ родѣ и потомствѣ обращаться должно не инако, какъ на изложенныхъ въ семъ моемъ завѣщаніи условіяхъ, и безъ малѣйшаго раздробленія.

5-е, по смерти моей братъ Николай Александровъ сынъ Луинъ немедленно вступаетъ во владѣніе моего имѣнія. 6-е, прошу брата моего выдать, единовременно, въ теченіе года отъ дня моей кончины, двѣицѣ Праскевіи Михайловой двадцать тысячъ рублей государственными ассигнаціями. Коллежскому регистратору Евдокиму Ѳедорову сыну Суслину десять тысячъ рублей государственными ассигнаціями, буде онъ, Суслинъ, по день кончины моей останется управляющимъ всего моего имѣнія. или тотъ Суслинъ умретъ въ сей должности при моей жизни, тогда сіи десять тысячъ рублей выдать его дѣтямъ. Если же по какому случаю онъ, Евдокимъ Ѳедоровъ сынъ Суслинъ будетъ мною удаленъ отъ управленія сей должности, тогда ни ему, ни его дѣтямъ сего награжденія не выдавать. 7-е, тѣхъ дворовыхъ людей, кои, по старости или немощи, не будутъ въ состояніи пропитать себя, прошу тебя, брата моего, ихъ призрѣть. Вольноотпущенную дѣвку Анну Соколову, по смерть ея, оставить въ селѣ Сергіевскомъ. буде того пожелаетъ, на томъ же основаніи, какъ она теперь находится; буде же она пожелаетъ куда удалиться, то опредѣлить ей содержаніе приличное и сообразное ея потребностямъ, по твоему, брата моего, благоусмотрѣнію.

8-е, сестрѣ моей родной Екатеринѣ Сергѣевнѣ, женѣ камергера, статскаго совѣтника Ѳедора Александрова сына Уварова, доставлять ежегодно, по смерть ея, по десяти тысячъ рублей государственными ассигнаціями, начавъ тотъ платежъ чрезъ годъ отъ дня моей смерти, то-есть за первый годъ послѣ моей смерти сестра не можетъ требовать той суммы. Десять тысячъ рублей государственными ассигнаціями употреблять ежегодно на поддержаніе вольнаго народнаго училища, которое имѣетъ быть учреждено въ селѣ Сергіевскомъ, и послѣ смерти моей должно зависѣть отъ непосредственнаго распоряженія брата моего Николая Александрова сына Лунина. 9-е, всѣ доходы съ

сего завѣщаемаго мною имѣнія должны принадлежать брату моему Николаю Александрову сыну Лунину, какъ единственному послѣ меня на основаніи сего завѣщанія наслѣднику. 10-е, поелику главнѣйшіе предметы сей моей духовной состоятъ въ томъ, чтобъ послѣ смерти моей устроить благосостояніе крестьянъ и оставить имѣніе нераздѣльнымъ въ нашемъ родѣ, то я надѣюсь, что братъ мой обратитъ все свое вниманіе на сіи два предмета, сохранивъ собственныя выгоды и тѣмъ, содѣйствуя къ поддержанію нашей фамиліи, составитъ счастье крестьянъ и дворовыхъ людей, освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостного состоянія, на томъ основаніи, которое онъ признаетъ за благо, и давъ тѣмъ опытъ своей благодарности за мою къ нему дружбу—успокоитъ прахъ мой и содѣлаетъ память мою для крестьянъ и потомства нашего священной. И потому, любезный братъ! прошу тебя, несмотря ни на какое лицо, сіе мое духовное завѣщаніе, какъ согласное съ законами, привести въ непремѣнное исполненіе. А васъ, почтеннѣйшіе друзья! какъ свидѣтелей сего добровольнаго моего завѣщанія, прошу удостовѣрить предъ лицомъ правосудія, что изложенное здѣсь есть точно моя воля, коей цѣль есть освобожденіе отъ крѣпостного состоянія и вообще устройство благосостоянія крестьянъ и сохраненіе имѣнія нераздѣльнымъ въ родѣ предковъ нашихъ. — Къ сему духовному завѣщанію отставной гвардіи ротмистръ и кавалеръ Михаилъ Сергѣевъ сынъ Лунинъ руку приложилъ.

Что подлинно сіе духовное завѣщаніе есть добровольное, и подлинно подписано въ совершенномъ умѣ и чистой памяти собственною рукою отставнымъ гвардіи ротмистромъ и кавалеромъ Михаиломъ Сергѣевымъ сыномъ Лунинымъ, въ томъ свидѣтельствую по священству, подписуюсь Гребневскій священникъ Никита Петровъ.

Что сіе завѣщаніе точно писано по волѣ его, Михаила Сергѣевича Лунина, и подписано его рукою въ здоровомъ его умѣ и памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь, по личному его прошенію, статскій совѣтникъ и кавалеръ Петръ Семеновъ сынъ Полуденскій.

Въ томъ же свидѣтельствую, подписуюсь титулярный совѣтникъ Федоръ Петровъ сынъ Ильинъ, и сіе духовное завѣщаніе съ воли завѣщателя переписывалъ.

Что сіе завѣщаніе точно писано по волѣ его, Михаила Сергѣевича Лунина, и подписано его рукою въ здоровомъ его умѣ и памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь, по личному

его прошенію, гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ и кавалеръ Никита Михайловъ сынъ Муравьевъ.

А что въ семь завѣщаніи по чищенному написано на первой страницѣ въ послѣдней строкѣ *правилами*, а на второй страницѣ въ первой строкѣ *ему отъ меня внушенными*, и то почитать вѣрнымъ. Михаилъ Лунинъ“.

Ознакомившись съ духовнымъ завѣщаніемъ Михаила Сергѣевича, Московскій опекунскій совѣтъ отослалъ таковое въ губернское правленіе, для законнаго разсмотрѣнія и утвержденія.

Вслѣдъ затѣмъ, въ то же губернское правленіе 9 декабря 1826 г. жена дѣйств. стат. совѣтника Федора Александровича Уварова, Екатерина Сергѣевна Уварова, рожденная Лунина, подала прошеніе о выдачѣ ей копіи съ означенной духовной и о приостановленіи распоряженія по этому акту.

Приводимъ полный текстъ просьбы г-жи Уваровой. Она писала:

„Родной братъ мой, бывшій подполковникъ Михаилъ Сергѣевъ сынъ Лунинъ, по рѣшенію Верховнаго уголовного суда, Высочайше утвержденному, въ числѣ прочихъ государственныхъ преступниковъ осужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства, къ ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

Послѣ упомянутаго бездѣтнаго брата моего осталось родовое недвижимое имѣніе Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ селѣ Сергѣевскомъ, Ржавино тожъ, и въ Никитскомъ; Саратовской губерніи, Вольскаго уѣзда, въ деревнѣ Аненой, Платьма тожъ. А какъ я состою въ имѣніи семь единою законною наслѣдницею, то, вслѣдствіе бывшей отъ меня просьбы, присутственныя мѣста, по опредѣленію Кирсановскаго уѣзднаго суда вышеупомянутыхъ губерній и ввели меня на законномъ основаніи во владѣніе онымъ, безъ всякаго противъ того съ чьей-либо стороны спора до сего времени, о чемъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и слѣдующія публики произведены.

Нынѣ же сдѣлалось извѣстнымъ мнѣ, что въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ хранилось духовное завѣщаніе, въ 1819 году сдѣланное помянутымъ несчастнымъ братомъ моимъ, Михаиломъ Лунинымъ, которое изъ того Совѣта препровождено уже въ сіе правленіе къ надлежащему распоряженію по законамъ.

Доселѣ лишена будучи средствъ получить свѣдѣнія, въ которомъ году и отъ кого то завѣщаніе представлено къ хране-

нію въ опекунскій совѣтъ, а равно — кто были свидѣтели, въ одно ли, или въ разныя времена значущіея свидѣтели учили подъ оною узаконенную подпись, я не могу нынѣ дѣлать противъ того представленіе, а равно, не имѣя за скрѣпцою надлежащей копіи съ того завѣщанія, я лишаясь и способовъ со всею подробностію симъ опровергать тотъ актъ; почему и остается мнѣ единая законная обязанность представить вниманію и на уваженіе правительства опроверженіе на недостатокъ правъ завѣщателя къ существенному составленію того акта. Всякаго рода духовное завѣщаніе можетъ быть признано недѣйствительнымъ въ двухъ видахъ: 1-е. по причинамъ, существовавшимъ во времена совершенія онаго, или 2-е. по причинамъ, открывающимся послѣ того, — вслѣдствіе чего нынѣ я ограничиваюсь объясненіемъ незаконности того завѣта въ первомъ видѣ.

Несчастный братъ мой хотя рѣшеніемъ Верховнаго уголовного суда подверженъ осужденію въ 1826 году, но въ донесеніи Высочайше учрежденной комисіи, поднесенномъ 30 мая, обнаружено, что Михайла Лунинъ находился уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1817 года въ числѣ составлявшихъ первое тайное общество, подъ названіемъ Союза Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ Отечества. Слѣдовательно, составъ духовнаго завѣщанія, къ распоряженію родовымъ имѣніемъ относящійся, произведенъ въ то время, когда онъ былъ уже членомъ тайнаго общества и сближался къ цѣли исполненія государственнаго преступленія. Осужденіе, постигшее его въ 1826 году, не есть время содѣланнаго имъ преступленія, а опредѣленіе единого наказанія за открытое намѣреніе. Изъ сего довода истекаетъ неоспоримое заключеніе, что онъ былъ однимъ и тѣмъ же преступникомъ въ 1817 году, только втайнѣ, и не былъ осужденъ къ политической смерти. Справедливость сего подтверждаетъ и самое рѣшеніе Верховнаго уголовного суда. — ибо если Михайла Лунинъ не былъ преступникомъ въ 1817 году, то не могъ быть и осужденъ къ политической смерти въ 1826 году; будучи же преступникомъ, онъ лишенъ былъ всякаго права распоряжаться имѣніемъ своимъ. Основаніемъ истины сей служитъ указъ 1766 года августа 21-го о духовной самоубійцы князя Шаховскаго, въ коемъ изъяснено: „Ежели самоубійство учинено не въ безуміи и не въ безпамятствѣ, есть злодѣяніе и преступленіе закона, почему отъ таковаго никакой завѣтъ принять быть не можетъ“. Завѣщаніе уничтожено и имѣніе отдано наслѣдникамъ. Сей случай во всемъ согласуется

съ первымъ. тѣмъ паче. что всякое духовное завѣщаніе не есть крѣпость, запись, или другой актъ, на обязательства установленный. но принимаетъ только дѣйствіе послѣ смерти завѣщателя; коль же скоро актъ сего рода принимаетъ начало и дѣйствіе свое послѣ смерти его, слѣдовательно. политически мертвый, какъ объяснено въ указѣ 1803 и 1818 годовъ, не будучи ни въ какомъ сношеніи съ обществомъ людей, ни какихъ и актовъ дѣлать не можетъ; отъ таковыхъ же ничего не приѣмлется на бумагѣ и по указу 1728 года декабря 20-го.

По изложеніи вышеназванныхъ законныхъ доводъ, заключеніемъ допущенъ быть не можетъ и самый вопросъ: если бы преступленіе несчастнаго брата моего Михаила Лунина открыто было при самомъ началѣ, въ 1817 году, и онъ тогда же осужденъ былъ къ политической смерти, то предстояла ли бы возможность для него составлять какой-либо завѣтъ къ распоряженію имѣніемъ въ 1819 году? Естественно, нѣтъ,—а причина сказаннаго дѣйствія его была единая свобода располагать собою. будучи уже преступникомъ. Начало всякаго рода преступленія исчисляется отъ періода возрожденія онаго, а не отъ времени раскрытія чрезъ разнообразныя послѣдствія Неоспоримымъ основаніемъ вышеназваннаго заключенія служитъ Всемилостивѣйше жалованная въ 1785 году апрѣля 21 дня дворянству грамота, 28 статьею коей узаконено: „Благороднаго наследственное имѣніе, въ случаѣ осужденія по важнѣйшему преступленію, да отдается законному его наследнику“. Вслѣдствіе чего настоящее завѣщаніе брата моего не можетъ облечено быть формою законнаго акта, а должно подвергнуться уничтоженію, какъ духовная или завѣтъ, въ противность государственныхъ постановленій составленная. Но какъ актъ сей, по сущности своей, возрождаетъ дѣло примѣрное, то я и поставляю въ необходимости взять смѣлость пасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и чрезъ особое прошеніе всеподданнѣйше просить Высочайшаго разсмотрѣнія сего возникающаго процесса, столь примѣрнаго въ составѣ своемъ, — почему и прошу:

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества укавомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Московскомъ губернскомъ правленіи принять и, доколѣ воспослѣдуетъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества на особое всеподданнѣйшее прошеніе мое рѣшеніе, приостановиться всякаго рода распоряженіемъ по упомянутому духовному завѣщанію; тѣмъ паче. что достиженіе слуха до помянутыхъ крестьянъ брата

моего, нынѣ во владѣніи моемъ состоящихъ, о той свободѣ, которую будто бы содержаніемъ духовной желали предоставить имъ, неизбѣжно возродитъ между ними неповиновеніе, безначаліе и, можетъ быть, самое буйство къ истребленію на важную сумму находящихся въ томъ имѣніи, какъ хозяйственныхъ заведеній, такъ и разнаго рода хлѣба. Буде же въ послѣдствіи времени повелѣно будетъ возвратитъ то имѣніе и г. Лунину, то мѣры осторожности, испрашиваемыя мною нынѣ отъ правительства, послужатъ, равнымъ образомъ, и къ пользѣ его. А съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣтъ выдать мнѣ съ вышеупомянутаго завѣщанія, за надлежащею скрѣпою, точную копию, на основаніи Высочайше утвержденныхъ Смоленскихъ докладныхъ пунктовъ, значущагося въ толкованіи на 2-й пунктъ, для поднесенія Вашему Императорскому Величеству.

Всемилоствѣннѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинитъ. Декабря дня 1826 года. Къ поданію надлежитъ въ Московское губернское правленіе. Прошеніе набѣло переписывалъ коллежскій секретарь Андрей Яковлевъ сынъ Чеботаревъ“.

Московское губернское правленіе, разсмотрѣвъ поступившія бумаги по дѣлу Лунина, нашло, что оно обязано, по общему порядку, духовное завѣщаніе Михаила Сергѣевича „представить на законное утвержденіе подлежащаго присутственнаго мѣста; но при извѣстности, что завѣщатель открылся государственнымъ преступникомъ, по рѣшенію Верховнаго уголовного суда, Высочайше утвержденному, по лишеніи чиновъ и дворянства, сосланъ на опредѣленное время въ каторжную работу, а потомъ на поселеніе, слѣдовательно, содѣлался политически мертвымъ“, и притомъ усматривая нѣкоторыя распоряженія завѣщанія клонящимися къ нарушенію существующаго порядка, Правленіе не осмѣлилось само собою дать дѣлу сему обыкновеннаго теченія и потому, не открывая содержанія этого завѣщанія, вошло съ представленіемъ къ военному генералъ-губернатору, генералу - отъ - кавалеріи князю Голицыну, а онъ, въ свою очередь, всѣ бумаги по дѣлу препроводилъ къ министру юстиціи, для испрошенія по означенному предмету Высочайшаго разрѣшенія.

Министръ юстиціи, князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, 28 декабря 1826 г. представилъ Государю Императору, чрезъ статсъ-секретаря Муравьева, всеподданнѣйшую докладную записку, высказавъ свое мнѣніе, что, по силѣ указовъ 22 марта 1714 г. и 28 февраля 1804 г., М. С. Лунинъ,

до осужденія своего. съ которымъ кончилось политическое его существованіе. бывъ бездѣтенъ, имѣлъ право отдать недвижимое одному фамиліи своей; но что касается до предположеній его относительно уничтоженія крѣпостного права на крестьянъ, по условію съ ними, безъ предоставленія впрочемъ имъ земли, и учрежденія въ завѣщаемомъ имѣніи маіората, то предположенія эти министръ находилъ совершенно противными общему порядку и постановленіямъ, по силѣ которыхъ хотя помѣщичьи крестьяне могли быть увольняемы въ свободные хлѣбопашцы, но не иначе какъ по актамъ, которые должны быть совершены при посредствѣ правительства и получить Высочайшее утвержденіе, съ предоставленіемъ при томъ въ пользу крестьянъ земель и съ прекращеніемъ на будущее время всякаго отношенія къ правамъ ихъ личнымъ и собственности со стороны бывшего владѣльца, если крестьяне приняты на себя обязанности вполне исполнять. По завѣщаніямъ же—говорилось въ запискѣ—и переходъ въ свободные хлѣбопашцы по закону не допускается, тѣмъ менѣе можно дозволить уничтоженіе крѣпостного права, съ оставленіемъ крестьянъ на земляхъ помѣщичьихъ и со всегдашнею обязанностию доставлять оному доходы. Далѣе князь Лобановъ-Ростовскій представлялъ, что никто не имѣетъ власти для преемниковъ своихъ въ родовомъ имѣніи дѣлать ограниченія въ свободномъ онымъ пользованіи и распоряженіи на основаніи законовъ и учреждать, въ противность же законовъ, на правѣ первородства порядокъ наследованія тѣмъ имѣніемъ. Основываясь на указѣ 7 сентября 1726 г., министръ юстиціи заключилъ, что помянутыя предположенія Михаила Лунина не могли быть приняты и допущены къ исполненію. Впрочемъ,—говорилъ онъ,—„не представляется никакого уваженія, по которому бы слѣдовало содержаніе завѣщанія оставить въ неизвѣстности, особливо при предъявленномъ уже на оное со стороны законной наследницы спорѣ, который утвержденъ или отвергнутъ иначе быть не можетъ, какъ судебнымъ порядкомъ; почему я и полагаю бы разрѣшить московскаго военнаго генералъ-губернатора на передачу помянутаго завѣщанія и поступившей отъ Уваровой просьбы въ надлежащее присутственное мѣсто, для поступленія по законамъ“.

30 декабря 1826 г. статсъ-секретарь Муравьевъ возвратилъ министру докладную записку съ карандашною резолюціею Императора Николая Павловича: „Согласенъ“.

Между тѣмъ, ранѣе воспослѣдованія этой резолюціи, а именно

21 декабря, действительный статский советник Николай Александровичъ Лунийъ подалъ московскому военному генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

„Вашему сіятельству угодно было объявить мнѣ, что губернское правленіе затрудняется въ отсылкѣ онаго завѣщанія къ разсмотрѣнію по законамъ и что г. Уваровъ подалъ вашему сіятельству письмо по сему предмету. Не зная причинъ, могущихъ служить поводомъ къ изъятію сего дѣла изъ общаго узаконеннаго порядка, я осмѣливаюсь изложить вашему сіятельству существо завѣщанія и всепокорнѣйше просить принять въ уваженіе слѣдующія обстоятельства:

1) Завѣщатель избираетъ меня наследникомъ всего вообще имѣнія, на основаніи указа 1814 г. марта 23 дня, предоставляя мнѣ въ принадлежность всѣ вообще доходы съ имѣнія, съ тѣмъ, чтобы по смерти его я вошелъ немедленно во владѣніе имѣніемъ. Симъ ясно доказывается безусловная воля завѣщателя, чтобы все его имѣніе и вообще всѣ доходы принадлежали мнѣ, какъ избираемому имъ единственному послѣ себя наследнику на основаніи законовъ.

2) Братъ мой завѣщаваетъ мнѣ, въ продолженіи пяти лѣтъ послѣ смерти его, освободить крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, не касаясь земель, лѣсовъ и прочаго,—исполненіе сего предоставляетъ онъ совершенно моей волѣ, руководствуясь правилами, имъ мнѣ внушенными, съ утвержденія правительства, — повинненіе мнѣ крестьянъ и дворовыхъ людей ограждать до того времени, пока не уничтожится надъ ними крѣпостное право, по моему прошенію, законнымъ образомъ. Изъ сего видно, что братъ мой, обнаруживъ мысль свою освобожденія крестьянъ безъ земли, устройство благосостоянія ихъ неограниченно ввѣрилъ моей волѣ и совѣсти, съ утвержденія правительства, на основаніи законовъ. Въ 10-мъ пунктѣ завѣщанія говоритъ онъ, что освобожденіе крестьянъ должно послѣдовать на томъ основаніи, которое я признаю за благо; слѣдовательно, отъ меня зависитъ совершенно и безъ всякаго ограниченія привести оное въ дѣйствіе, какъ признаю выгоднѣйшимъ для себя и крестьянъ, на основаніи законовъ. Не взирая на объявленную мысль завѣщателя, чтобы не касаться въ семъ случаѣ земель, я въ полномъ правѣ удѣлить имъ часть, или вообще всю землю, и сдѣлать оныхъ крестьянъ вольными хлѣбонашцами.

3) Пять лѣтъ времени, назначаемаго завѣщателемъ на приведеніе мною въ исполненіе желанія его по предмету освобожденія крестьянъ, были необходимы по случаю долговъ, съ коими

означенное имѣніе досталось завѣщателю и которые окончательно уплачены только сего 1826 года. Но и сей срокъ 8-мъ пунктомъ завѣщанія не ограничивается, ибо въ ономъ сказано, что крестьяне и дворовые люди должны находиться въ моемъ повинненіи до того времени, пока не уничтожится крѣпостное ихъ состояніе, по моей просьбѣ, законнымъ образомъ. — новое доказательство, что завѣщатель каждое дѣйствіе при исполненіи его желанія мною, какъ наследникомъ завѣщаемаго имѣнія, подвергнулъ утверженію правительства и силъ закона.

4) Въ 8-мъ пунктѣ завѣщанія братъ мой завѣщаетъ мнѣ доставлять сестрѣ его, г-жѣ Уваровой, ежегодно, по смерти ея, 10.000 руб.; на поддержаніе училища, которое имѣетъ быть учреждено въ селѣ Сергіевскомъ, по которое впрочемъ учреждено не было, 10.000 руб.; дѣвицѣ Прасковѣ Михайловой одновременно 20.000 руб., и управляющему Суслику 10.000 руб. Таковыя назначенія брата моего доказываютъ совершенную его ко мнѣ и моей совѣсти довѣренность, ибо въ первомъ пунктѣ завѣщанія онъ назначаетъ меня единственнымъ по себѣ наследникомъ, въ 5-мъ предоставляетъ по смерти его войти немедленно во владѣніе, въ 9-мъ говоритъ, что всѣ вообще доходы должны принадлежать мнѣ. Слѣдовательно, предоставленіе мнѣ имѣнія есть гласное, неограниченное и обнаруживающее единственно его довѣріе ко мнѣ въ томъ, что я исполню свято его волю.

Представивъ вашему сіятельству существо завѣщанія, основанное на законахъ, коего исполненіе, согласно воли самого завѣщателя, не можетъ послѣдовать иначе, какъ съ утвержденія правительства, законнымъ образомъ, я осмѣливаюсь просить быть моимъ защитникомъ, не зная причинъ, почему губернское правленіе сіе завѣщаніе изъясло изъ общаго законнаго порядка и остановилось отсылкою онаго на разсмотрѣніе и утвержденіе въ судебное мѣсто. Я приступилъ къ открытію завѣщанія тогда только, когда управляющій имѣніемъ брата донесъ мнѣ сего года августа 12 дня, что братъ мой въ послѣднемъ письмѣ къ нему предписываетъ по дѣламъ до имѣнія касающимся, относиться ко мнѣ и исполнять мои предписанія. Когда г-жа Уварова вступила во владѣніе имѣніемъ подъ видомъ попечительства, тогда уже видя, что братъ мой остается непреклоннымъ въ его намѣренія по сему предмету, а г. Уваровъ приступилъ къ имѣнію незаконнымъ образомъ, — хотя я, съ своей стороны, и могу не желать собственныхъ выгодъ, но не въ моей волѣ отречься отъ исполненія тѣхъ предметовъ завѣщанія, кои ка-

саются не до меня лично, и именно освобожденіе крестьянъ, сопряженное съ ихъ благосостояніемъ, интересомъ казеннымъ и ввѣренное мнѣ, какъ наслѣднику, учрежденіе училища, какъ-выя учреждать съ дозволенія и въ распоряженіи правительства никогда не возбранялось,—отъ ежегодной выдачи г-жѣ Уваровой, отъ награжденія двѣицѣ Прасковѣ Михайловой и управляющему Суслику.

Всему свѣту извѣстно преступленіе брата моего, обративъ на него всю справедливую строгость законовъ, коихъ дѣйствіе и самое неограниченное милосердіе Государа Императора ослабить было не въ силахъ. Нужно ли еще изыскивать новыя средства для посрамленія памяти человѣка уже несчастнаго и отъ отечества пятномъ неизгладимымъ отлученнаго. стараюсь толковать ко вреду его актъ, подвергаемый имъ самимъ утвержденію правительства и въ коемъ всѣ постановленія основаны на желаніи сдѣлать добро и утвердить, послѣ кончины его, благосостояніе всѣхъ его крѣпостныхъ людей.

Ваше сіятельство слишкомъ справедливы, чтобы не одобрить причинъ, побуждающихъ меня не отринуть просьбы несчастнаго моего брата. Достояніе его мнѣ не нужно, но довѣренность его ко мнѣ я обязанъ оправдать, доколѣ послѣдняя его воля, въ завѣщаніи изложенная, не противна существующимъ законамъ“.

Изложенное прошеніе Н. А. Лунина князь Голицынъ, 26 декабря 1826 г. отослалъ. „для совокупнаго разсмотрѣнія“, къ министру юстиціи, а послѣдній, отношеніемъ отъ 13 января 1827 г., увѣдомилъ, что, въ виду состоявшагося уже по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Высочайшаго повелѣнія, онъ, министръ, не считаетъ письмо дѣйств. стат. сов. Лунина принадлежащимъ до его разсмотрѣнія и что отъ князя самого зависитъ дать оному такое направленіе, какого обстоятельства дѣла требуютъ.

Одновременно, министръ юстиціи предписалъ московскому губернскому прокурору о наблюденіи за скорѣйшимъ ходомъ и окончаніемъ дѣла о духовной М. С. Лунина.

Московское губернское правленіе, видя изъ просьбы Уваровой, что имѣніе Лунина состоитъ въ Тамбовской губерніи и она введена уже онымъ во владѣніе Кирсановскимъ уѣзднымъ судомъ, постановило завѣщаніе Лунина, обще съ производствомъ, и присланныя послѣ отъ военнаго генералъ-губернатора, сообщенныя ему военнымъ министромъ, о имѣніи и долгахъ Лунина бумаги препроводить для зависящаго распоряженія и поступленія по законамъ, въ Тамбовское губернское правленіе.

Постановленіе Московскаго губернскаго правленія исполнено было 20 января 1827 года, а 3-го февраля дѣло о духовномъ завѣщаніи М. С. Лунина поступило въ Кирсановскій уѣздный судъ, для рѣшенія безъ очереди, а 18 того же февраля судъ сообщилъ въ Московскую управу благочинія объ отобраніи, подъ присягою, отъ подписавшихся подъ завѣщаніемъ свидѣтелей нужныхъ свѣдѣній.

Какое окончаніе получило означенное дѣло, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Н. А. Мурзановъ.

